

— И как только эти американцы умудряются так вымахать? — дивился Ли Сы. — Небось и правда каждый день мясо лопают да молоком заливают? Все как на подбор — ручищи, плечищи... Такого на пашню выпустить — горы своротит! Только смотреть на них боязно, шею сломаешь, пока снизу вверх глядишь.

Сам Ли Сы в молодости тоже не был коротышкой, да и вообще мужчины в семье Ли ростом обижены не были. Но рядом с местными верзилами они казались совсем мелкими да щуплыми.

— А черные-то какие бывают! — старик с опаской разводил руками, показывая сыну габариты невиданных людей. — Ночью ведь мимо пройдешь и не заметишь! Здоровенные, чисто быки молодые.

— Дядюшка, да чего вы переживаете? — улыбнулся Ван Сюань. — Какими бы они великанами ни были, наши-то, мал мала меньше, всё равно их в своё время до самого дома погнали.

Ли Сы тут же просветлел:

— И то правда!

Про себя он подумал: «Американцы эти, хоть высоченные, хоть жирные, хоть черные, как дно старого котла, на самом деле просто бумажные тигры». Сам председатель Мао так говорил!

Дни у Ли Сы летели незаметно, один насыщеннее другого. Трехмесячные малыши становились всё забавнее. Когда их трое, шум и суета в доме растут в геометрической прогрессии. К счастью, с ними возились специально нанятые няньки.

Каждое утро, едва встав с постели, старик первым делом спешил к колыбелям. Но однажды он застыл у внучкиного ложа. Всматривался в крошечное личико долго, очень долго, не в силах отвести глаз.

— Гоудань... — позвал он сына. Голос старика дрожал, а с лица начисто сошла краска.

— Отец, ты чего? Что стряслось? — встревожился Ли Кай.

Ли Сы перевел растерянный взгляд с младенца на Ван Сюаня, потом на сына. Губы его затряслись:

— Да как же так... Девчушка-то наша... Почему она на нас совсем не похожа?

Ли Кай и Ван Сюань лишь недоуменно переглянулись.

— Поглядите на неё! У неё же глазки голубые! — старик едва не плакал. — Неужто в больнице перепутали? Я слышал, там каждый день уйма детей рождается. В такой кутерьме врачи запросто могли чужого младенца подсунуть!

Оба молодых человека разом подорвались с мест и склонились над колыбелью. Малышка Чжэньчжэнь сегодня бодрствовала и была в на редкость благодушном настроении. Она весело сучила пухлыми ручками и ножками, что-то увлеченно лепеча на своем младенческом языке. Заметив, что над ней склонились взрослые, девочка широко распахнула круглые глазки и задорно беззубо улыбнулась.

Ли Кай и Ван Сюань принялись пристально разглядывать дочку, поворачивая её личико к солнечному свету.

— И правда... — выдохнул Ли Кай.

Просто радужка у девочки была очень темного, густого синего оттенка, а зрачок — черным. Раньше они списывали это на игру света и тени, думая, что глаза у неё обычные, темные. К тому же новорожденные почти всё время спят. Все хлопоты — кормление, пеленание, укачивание — взяли на себя опытные няни. Молодые отцы подходили к малышам в основном тогда, когда те мирно спали, чтобы лишний раз не тревожить и не провоцировать плач. Вот и упустили из виду эту удивительную деталь.

Няни, проводившие с малышами дни и ночи, наверняка давно всё заметили. Да только спрашивать не решились: мало ли, вдруг у кого-то из нанимателей бывшая пассия была белокурой иностранкой с лазурным взором? В чужие дела лезть здесь не принято. В итоге отцы семейства узнали обо всём последними, проявив поразительную невнимательность.

Открытие поразило их как гром среди ясного неба.

— Да нет, исключено, — качнул головой Ван Сюань, судорожно соображая. — Ошибки быть не может. За процессом следили от момента подсадки эмбриона до самых родов. Да и тест ДНК мы делали сразу после рождения. Старший — сын брата Гоуданя, а двое младших, включая Чжэньчжэнь — мои. Все анализы подтвердили родство. Откуда же взялась эта синева?

Ли Сы затрясся от нехорошего предчувствия:

— А вдруг всё же перепутали? Где же тогда моя настоящая внучка, кровинушка наша?

Ван Сюань растерянно посмотрел на партнера. Ли Кай стоял точно громом пораженный. Вдруг Ван Сюань резко развернулся и бросился в кабинет. На бегу он с грохотом задел и опрокинул стул, но даже не обернулся.

Ли Кай поспешил следом:

— А-Сюань, ты чего? Что ты задумал?

— Брат Гоудань, кажется, мы упустили из виду одну очень важную деталь... Погоди минутку, — взволнованно отозвался Ван Сюань. У него дрожали руки, когда он принялся перерывать папки в сейфе, извлекая на свет документы суррогатной матери и донора.

Здесь хранились подробнейшие медицинские карты малышей с момента зачатия, их собственные анализы и, главное, полное досье женщины, предоставившей яйцеклетку. За эти конфиденциальные сведения они в своё время выложили кругленькую сумму — хотели перестраховаться на случай скрытых генетических недугов, чтобы в будущем знать, к чему быть готовыми.

Выбирая донора, они стремились найти самую здоровую кандидатку. Но генетика — штука капризная, рецессивные признаки могут дремать поколениями. К счастью, предусмотрительность Ван Сюаня сейчас пришлась как нельзя кстати.

— Брат Гоудань, гляди сюда, — Ван Сюань ткнул пальцем в одну из граф. — Физические показатели: темные волосы, карие глаза. Но если пролистать чуть дальше... Вот, мелким шрифтом: «Имеет одну восьмую немецкой крови».

— По законам биологии, темный цвет глаз — доминантный признак. Почти всегда дети наследуют именно его. Эта девушка — гражданка США, но её прабабушка была немкой. Получается, донор — четвертое поколение. Её дед по материнской линии был темноволосым и темноглазым, бабушка-китаянка — тоже. Родители — чистокровные азиаты. Сама она тоже родилась типичной китаянкой с черными волосами и карими глазами.

— Наши соотечественники в большинстве своем люди консервативные, делиться своим биоматериалом не спешат — считают это делом зазорным. Мы ведь твердо настаивали: донор должен быть высшей категории, обязательно с азиатской внешностью и китайскими корнями. Из-за жестких критериев выбор оказался невелик. Агентство предложило нам лучшие варианты, а мы на радостях даже не вчитались в родословную донора и упустили из виду, что среди её предков затесались европейцы.

— Хочешь сказать, у нашей Чжэньчжэнь это... как его... проявилось через поколения? Генетический каприз? — уточнил Ли Кай, силясь подобрать правильные слова.

Ван Сюань не стал придирается к терминам, хотя «атавизм» звучал в данном контексте довольно забавно. Он облегченно кивнул:

— Именно так. Мы просто не обратили внимания на эту строчку в документах.

Ли Кай шумно выдохнул и приобнял партнера за плечи:

— Ладно, гора с плеч. Но для верности давай всё же вызовем врача и сделаем повторный тест. Так спать спокойнее будем.

Домашние знатно переполошились, пока ждали приезда специалистов. Повторный экспресс-анализ подтвердил: Чжэньчжэнь — родная дочь Ван Сюаня. Просто причудливая игра генов вывела на поверхность спавший поколениями признак, наградив малышку синими глазами.

— Генетика — штука непредсказуемая и поистине удивительная, — развел руками американский доктор.

— Ну и слава богу, — выдохнул Ли Кай. — Главное, что наша девчонка при нас, жива-здоровая и никто её не подменил. Да и если приглядеться, она ведь вылитая ты: те же тонкие черты лица, тот же разрез глаз. Только вот синева эта... Теперь понятно, почему она у нас такая беленькая, куда светлее братьев. А я-то думал, просто девичья кожа нежная, особенная.

Ван Сюань тоже повеселел — неопределенность рассеялась, уступив место облегчению.

— Наш первенец, Чэнху, пошел в твою породу, — с улыбкой заметил он. — Дочка уродилась в меня. А вот младший, Чэншань... Ему, похоже, достались черты донора. Посмотри, какие круглые глазки и забавный пуговчатый носик.

Сам Ван Сюань отличался утонченной, благородной красотой — из тех, что в древности воспевали поэты, описывая безупречных юных господ. Тонкие черты лица, чуть раскосые изящные глаза, прямой аккуратный нос. У младшего же сына кончик носа был круглым и мягким. Ван Сюань втайне гадал, выпрямится ли он, когда мальчик подрастет.

Сложнее всех пришлось Ли Сы. В тонкости экстракорпорального оплодотворения деревенский старик не вникал: есть внуки — и ладно, а каким манером они на свет появились, дело десятое. Но загадочные синие глаза заставили его крепко призадуматься. В душу закралось смутное подозрение, что его внучата родились как-то... не совсем обычно.

Всю жизнь Ли Сы мерил красоту простыми крестьянскими мерками: черные волосы, черные глаза, а если девка — то белолицая да в теле, чтобы кровь с молоком. Западные люди с их непослушными русыми шевелюрами, хищными носами и кошачьими разноцветными глазами казались ему чудными и даже пугающими. Но стоило ему подольше поглядеть на родную внучку, как прежнее неприятие растаяло.

Попривыкнув, он находил её всё более очаровательной. Малышка росла упитанной, белокожей и улыбчивой. Вскоре дедовское сердце окончательно растаяло: Чжэньчжэнь казалась ему теперь краше любой соседской девчонки в их родной деревне Сикань.

Конечно, в сугубо азиатской семье такая девочка смотрелась необычно. Рядом со смуглыми черноволосыми братьями она выглядела как заезжая маленькая иностранка. Но кровные узы и безграничная любовь творят чудеса. Родные души быстро сблизились, и в доме воцарилось полное согласие.

Даже ворчливый и консервативный Ли Сы души не чаял во внучке. Как говорится, редкий зверь и ценится дороже. К тому же Чжэньчжэнь была единственной девочкой среди тройняшек, так что её капризы выполнялись в первую очередь.

Разобравшись с генетическим казусом, молодые отцы вздохнули с облегчением. Необычная внешность дочки их ничуть не смущала. В конце концов, они сами привели её в этот мир, так на кого теперь пенять? Девочка была желанной и любимой.

К четырем месяцам малыши заметно окрепли. Они уже уверенно держали головки, а иногда забавно пыхтели, пытаясь перевернуться на животик. Лягут на пузо, задерут головы и смешно сучат ручками и ножками — ну точь-в-точь маленькие черепашата.

— Наша Чжэньчжэнь еще при рождении обогнала мальчишек — целых четыре килограмма весила! — хвастался Ли Кай, разглядывая спящую тройцу. — Настоящая богатырша. Положи их рядом — сразу видно, что дочка у нас самая крупная.

— У немцев кость широкая, они народ рослый, — улыбнулся Ван Сюань. — У донора рост был метр семьдесят два. Для женщины это весьма прилично. Так что Чжэньчжэнь уродилась крупной. Appetit у неё отменный, кушает наравне со старшим братом.

Хороший аппетит дочери мужчин только радовал. О девичьем изяществе они не беспокоились: средств в семье хватало, прокормить прожорливую принцессу труда не составит.

— Брат, гляди! Племянш-то перевернулся! — звонко закричал из детской Бэйшэн.

Подросток в последнее время развлекался тем, что караулил, когда племянники с трудом перевернутся на животик, а потом преспокойно возвращал их в исходное положение. Малыши недовольно кряхтели, понимая, что все их титанические усилия пошли прахом, и вновь оказывались на спине.

Шло время, дети спали всё меньше. Крепкие, упитанные карапузы постоянно требовали внимания. Благодаря отличному уходу все трое росли настоящими крепышами. Даже младшенький, Чэншань, который изначально был самым слабеньким, почти догнал брата и сестру, оставаясь лишь самую малость стройнее их.

Стоило им проснуться, как в детской поднимался невероятный грохот: малыши изо всех сил колотили пухлыми ножками по деревянным бортикам колыбелей. Домашних этот шум не раздражал, напротив, они с гордостью переглядывались: «Ишь, какие сильные ножки растут!»

Ван Сюань уезжал из США со слезами на глазах. Дома его ждали неотложные дела по бизнесу, задерживаться дольше он не мог. Такова уж нелегкая доля занятого отца семейства.

Укладывая чемоданы, он уныло ворчал под нос:

— Крохи совсем еще. Уеду на пару недель — и всё, забудут папку.

Ли Кай, как человек бывалый, поспешил его утешить:

— Да не переживай ты так. Забудут — заново привыкнут. Сам погляди на меня: сколько мотаюсь туда-сюда, каждый раз по возвращении они сначала ревут у меня на руках. Два дня притирки — и опять лучшие друзья.

— Ладно, съезжу в Пекин, проконтролирую, как там продвигается ремонт в нашей усадьбе сыхэюань, — вздохнул Ван Сюань. — Как только малыши окрепнут, сразу перевезем их на родину.

Постоянные перелеты через океан выматывали обоих партнеров до предела.

Для отделки детских комнат закупились исключительно экологически чистые, безопасные материалы. За ходом работ следил надежный прораб, так что за качество Ли Кай не переживал.

С появлением детей уклад жизни перевернулся с ног на голову. И пусть прибавилось забот, а малейший младенческий чих доводил взрослых до предынфарктного состояния, без этих карапузов дом казался пустым. Стоило ненадолго уехать, как щемящая тоска сжимала сердце.

Бэйшэна решили пока оставить в Америке. Ему нужно было закончить учебный семестр. По задумке Ли Кая, мальчику стоило завершить здесь начальный курс, чтобы по возвращении в Китай сразу пойти во второй класс. Программа первого класса здесь была сильной, к тому же велась на двух языках, так что за качество образования младшего брата можно было не беспокоиться.

Сам подросток быстро освоился на новом месте. Всё свободное время он проводил в детской, забавляясь с племянниками, будто с котятами. Однажды он увлекся и нечаянно довел маленького Чэнху до слез. Бэйшэн тогда не на шутку испугался, решив, что сейчас ему не поздоровится от старшего брата. Но Ли Кай ругать его не стал. Он лишь спокойно объяснил, что с грудными детьми нужно быть осторожнее, и посоветовал расспросить нянечек о правилах обращения с младенцами.

Обилие прислуги в доме тяготило Ли Сы и его жену Яо Юньлань. Хозяев в особняке было меньше, чем наемных работников, отчего супруги чувствовали себя не в своей тарелке. Масла в огонь подлило и последнее приобретение Ли Кая — он нанял профессионального

управляющего, выпускника престижной Британской школы дворецких. Этот безупречный джентльмен вел дела столь безукоризненно, что придаться было буквально не к чему.

Старый крестьянин никак не мог привыкнуть к роли праздного барина, зато молодежь освоилась мгновенно. Особенно преуспел Бэйшэн. Молодой ум впитывал новые знания как губка. Мальчишка уже всю щебетал на американском английском, вырядился по местной моде и внешне походил на изнеженного сына какого-нибудь старинного помещика. Одно расстраивало отца — уж больно капризным и изнеженным становился младший сын.

Жизнь на всем готовом казалась сказкой, но Ли Сы и Яо Юньлань всё отчетливее ощущали глухую стену между собой и сыновьями. За семейными обедами молодые люди то и дело заводили разговоры о делах, в которых старики ничего не смыслили. И хотя за последние годы деревенские супруги поднаторели в путунхуа и могли поддержать простой разговор, речь сыновей изобиловала непонятными терминами. А уж когда Бэйшэн начинал сыпать иностранными словечками, старики окончательно теряли нить беседы.

— Слушай, мать, — как-то вечером вполголоса заговорил Ли Сы, ворочаясь на роскошной мягкой кровати. — Может, ну её, эту границу? Давай со временем вернемся в родную деревню Сикань, а? Там оно как-то привычнее...

<http://bllate.org/book/19654/1996894>